

§ 3. Политическая философия русского радикализма

1. В той же атмосфере духовно-нравственного подъема и идейного возбуждения, в какой формировалось славянофильство, зарождается и русский радикализм, прошедший в своем развитии три основных этапа: 1) *декабризм*; 2) *разночинство* и 3) *народничество*.

При всем различии их тактических установок относительно специфики революционной борьбы, они выражали одно общее стремление – преобразование России на началах общинной земельной собственности, осуществление идеала «русского социализма». Эта тенденция в равной мере характеризует воззрения всех виднейших деятелей русского освободительного движения – декабристов Пестеля и Фонвизина, разночинцев Герцена и Чернышевского, народников Бакунина и Ткачева. Лишь с возникновением русского марксизма в 80-е годы XIX в. идеологический процесс смещается в сторону пропаганды «научного», пролетарского социализма, ведущими провозвестниками которого становятся Плеханов и Ленин.

2. Движение декабристов явилось началом великой драмы русского освобождения. Основу их революционаризма составляла идея «ограниченной», военной революции. При этом они принимали во внимание опыт дворцовых переворотов, производившихся в России в XVIII в. дворцовой гвардией. «Переходило ли, например, исследование, – писал один из видных представителей этого движения Д. И. Завалишин, – к самому происхождению разных правительств в России, оно видело целый ряд революций, и притом при полном безучастии народа, и совершаемых большею частью военною силою, как это было при возведении на престол Екатерины I, при свержении Бирона, регентши и Петра III. Все примеры показывали, что Россия повиновалась тому, что совершала военная сила в Петербурге, и признавала это законным»¹. Поэтому вполне понятно, что декабристов больше волновал вопрос о будущем государственном устройстве России, и это разделило их на два самостоятельных лагеря, один из которых стоял за конституционную монархию, другой – за республиканскую демократию. Не было у них единства и философских убеждений: одни слыли материалистами, другие идеалистами, а третьи – даже мистиками. Но всех их объединяла одна общая цель – свобода и благо России.

¹ Завалишин Д.И. Записки декабриста. В 2 т. Т. 1. – Мюнхен, 1925. С. 213.

а) Приверженцем идеологии республиканизма и демократии был *Павел Иванович Пестель* (1793–1826), создатель гениального политического манифеста «Русская правда».

Школьное образование он получил в Германии, окончил Пажеский корпус в Петербурге. Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1812–1814 гг. Один из руководителей тайных обществ «Союз спасения» и «Союз благоденствия»; стоял во главе Южного общества декабристов. Арестован 13 декабря 1825 г. (до начала восстания). Казнен.

Пестель был сторонником единой и неделимой России, отвергая всякую мысль о федеративном устройстве государства, которую проводил Н. М. Муравьев, руководитель Северного общества декабристов. В своем «Проекте конституции» последний доказывал, что только федерация может стать препоной на пути возможной реставрации деспотизма свергнутой самодержавной власти. «Федеральное, или Союзное, Правление, – писал он, – одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан»¹. Пестель, напротив, полагал, что федеративная система, хотя с первого взгляда может показаться «удобной и приятной», имеет крупные недостатки.

«Общие невыгоды федеративного образования государства суть между многими прочими следующие четыре: 1) Верховная власть по существу дела в федеративном государстве не законы дает, но только советы: ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств. Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надобно междоусобную войну завести; из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится уже семя к разрушению. 2) Особые законы, особый образ правления и особые от того происходящие понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На Верховную же власть будут области смотреть, как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственные дела в отношении к своей области без участия Верховной власти. Вот новое семя к разрушению. 3) Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства,

¹ *Муравьев Н.М.* Проект конституции // Избр. соц.-полит. и филос. произв. декабристов. В 3 т. Т. 1. – М., 1951. С. 296.

особенно если лукавый неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах. Частное благо области, хотя и временное, однако же все-таки сильнее действовать будет на воображение ее правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, может быть, в то время очевидной пользы самой области. 4) Слово “государство” при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области»¹.

Еще более возрастает опасность федеративного устройства при многонациональном составе государства; ведь в этом случае всегда можно ожидать, что какой-то один народ пожелает для себя «независимости и отдельного политического существования, утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное правом народности»².

Таким образом, будущее России представляется Пестелю исключительно в унитаристской перспективе, и то главное, что, на его взгляд, должно определять направление революционной политики, – это уничтожение самодержавия и решение внутренних проблем, связанных с дворянским сословием и крестьянством. В отношении самодержавия он высказывался однозначно: оно ни в коем случае не может быть «подправлено» конституцией, ибо это лишь завуалирует его «неограниченность» и даст повод к предположениям о возможности сохранения этой деспотической формы правления. Его идеалом была республиканская система в форме представительной демократии. Не менее решительно отвергает Пестель и значение дворянства: само это звание «должно быть уничтожено: члены ононого поступают в общий состав российского гражданства»³. Существование дворянского сословия с его ничем не оправданными привилегиями только тормозит развитие демократических представительных учреждений. Пестель ратовал за общее равенство всех граждан, трактуя это равенство в смысле безусловного права каждого человека на одинаковые выгоды, «государством доставляемые», и на равные обязанности в несении всех тягостей, нераздельных с «государственным устройением». А это означало, что, помимо

¹ Пестель П.И. Русская Правда // Избр. соц.-полит. и филос. произв. декабристов. В 3 т. Т. 2. – М., 1951. С. 90–91.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 105.

упразднения дворянского сословия, должно быть уничтожено также и крепостное состояние крестьянства.

Вместе с тем Пестель считал, что освобождение крестьян не должно свестись к дарованию им «мнимой свободы», т. е. без предоставления земельной собственности. Это привело бы лишь к пауперизации деревни, новому расслоению в сфере аграрных отношений. Вместо «феодальной аристократии» появилась бы «аристократия богатств», которая вновь привела бы «весь народ... в совершенную от себя зависимость»¹. Но поскольку земледелие составляет «главнейшее богатство» России, то и положение крестьянства должно соответствовать тому положению, какое оно занимает в общей экономической жизни государства.

Пестель предлагает собственный «проект» решения крестьянского вопроса. Особенностью проекта была попытка совместить общественную и частную формы землевладения. Существуют два мнения о земельном вопросе, говорит он; согласно первому, земля есть собственность всего рода человеческого и поэтому не может быть разделена между немногими его представителями. Второе мнение, напротив, утверждает, что труд, вложенный в землю, служит источником права на владение ею и что «неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию»². Хотя Пестель и признает эти мнения противоречащими друг другу, однако они, на его взгляд, содержат «много истинного и справедливого»: действительно, с одной стороны, земля «предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия» и должна одинаково «подлежать обладанию всех и каждого», но с другой стороны, «право собственности... есть право священное и неприкосновенное». Выход из положения Пестель видит в разделении всех государственных земель на две части – общественную и частную. Общественная земля составит неприкосновенную собственность волостного общества и будет передаваться отдельными участками всем членам волости, но не в полное владение, а только для того, чтобы «их обрабатывать и пользоваться их произрастаниями». Земли же частные будут принадлежать казне или отдельным лицам, обладающим ими «с полной свободой». Эти земли предназначаются для образования «частной собственности, служить будут к доставлению изобилия», которое, в свою очередь, «послужит поощре-

¹ Там же. С. 98.

² Там же. С. 134.

нием к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого рода изделий, на предприятие разных коммерческих оборотов и торговых действий»¹. Приобретать частную землю может любой состоятельный член волости; точно так же любой владелец частной земли имеет право на получение общественного участка. Такой смешанный тип землепользования, по мнению Пестеля, не встретит в России противодействия, ибо «понятия народные весьма к оному склонны»².

Самое примечательное в аграрном проекте Пестеля – это безусловный приоритет, отдаваемый им общественному землепользованию. По существу в нем предлагалась чисто *социалистическая* мера предохранения России от тех отрицательных последствий, которые были вызваны на Западе благодаря полной передаче всех земель в частное владение. Пестель не хотел ни пауперизации крестьянства, ни появления «бездомного пролетариата»; его целью было достижение общего блага. Имея в виду эту установку пестелевского проекта, Герцен писал, что автор «Русской правды» был «социалистом, прежде чем появился социализм»³.

б) Идеи общинного социализма нашли отражение и в политической философии *Михаила Александровича Фонвизина* (1788–1854), декабриста-генерала, обладавшего ярким талантом мыслителя и публициста.

Он происходил из древнего германского рыцарского рода. Предкам его принадлежали даже кое-какие города в немецких землях. Один из них, рыцарь Ливонского ордена меченосцев барон Петр фон Висин попал в русский плен в царствование Ивана Грозного и поселился в России. Среди его потомков – знаменитый русский комедиограф Д. И. Фонвизин, автор «Недоросля». Будущий декабрист учился в немецком Петровском училище в Петербурге и Московском университетском пансионе, где юношам, по воспоминаниям одного из его выпускников, прививали «новые понятия, высокие идеи о своем отечестве»⁴. Став кадровым военным, участвовал во всех военных кампаниях 1805–1814 гг. Дослужился до чина генерала. Состоял членом «Союза спасения», лично организовал в Москве «Военное общество». Непосредственного участия в выступлении на Сенатской площади

¹ Там же. С. 136.

² Там же. С. 140.

³ *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Соч. В 9 т. Т. 3. – М., 1956. С. 445.

⁴ *Раевский В.Ф.* Воспоминания // Литературное наследство. Т. 60: Декабристы–литераторы. В 2 кн. Кн. 1. – М., 1956. С. 86.

Петербурга 14 декабря 1825 г. не принимал, однако Верховным уголовным судом был осужден на 15 лет каторжных работ за «умышление на царевубийство согласием»; в 1827 г. этот срок был сокращен до восьми лет. Умер в своем подмосковном имении Марьино через одиннадцать месяцев после возвращения из ссылки. Собрание его сочинений в двух томах вышло в Иркутске в 1979 г.

Подобно Пестелю, Фонвизин, размышляя о своеобразии путей развития России и Запада, на первый план выдвигает вопрос о поземельных отношениях. На Западе эти отношения, отмечает он, складывались таким образом, что привели к возникновению пролетариата. Начало этому относится еще к эпохе падения Римской империи. Германские племена, овладев римскими провинциями, разделили занятые ими земли на многочисленные участки. Самые обширные из них поступили во владение главного вождя; сподвижники же его и другие вожди соответственно «заслугам своим и уважению» получили большие или меньшие участки, ставшие именоваться аллодами, а простым воинам были розданы поместья во владениях вождей. Так из завоевателей образовалось высшее сословие – «поземельная аристократия», облеченная всеми политическими и гражданскими правами. Покоренное же ими «туземное население», лишившись своих земельных владений, толпами стекалось в городах, где и оседало в качестве «бездомков без всякой собственности». Они-то и «стали родоначальниками нынешнего, столь многолюдного класса пролетариев, который сделался таким тяжким бременем для всех западных государств»¹.

В России все происходило иначе. Хотя она также была завоевана монголами, но поскольку монголы, «предпочитая кочевую жизнь, никогда не захотели сделаться оседлыми в завоеванной ими стране и опустошали ее частыми набегами для собирания дани, то в нашем отечестве и не было феодализма и сельские жители, составляющие большую часть народонаселения, сохранили свой древний волостной и общинный быт»².

Такая форма поземельных отношений, как это казалось многим западным социалистам, в частности, Прудону, может быть вполне применена к европейскому пролетариату, так как она соответствует их социалистическим стремлениям. Фонвизин считает это по меньшей мере утопией. Для этого потребовалось бы «изменить и превратить весь существующий порядок владения землями, уничто-

¹ Фонвизин М.А. О коммунизме и социализме // Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 265. Оп. 2. № 2950. Л. 13 об.

² Там же. Л. 14–14 об.

жить все права, освященные давностию, упразднить наследственность и произвести коренной переворот во всей промышленной деятельности»¹. А это означало бы, что западный социализм может быть осуществлен только революционным путем.

Иное дело – Россия; здесь, в «государстве самодержавном и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистических и коммунистических теорий (по словице: *les extrêmes se touchent*): это право общего владения землями четырех пятых всего населения России, т. е. всего земледельческого класса, – факт чрезвычайно важный для прочности будущего благоденствия нашего отечества»². Из этого Фонвизин делает вывод об особом историческом призвании России, сближаясь в этом отношении с ранними славянофилами.

«Если философская мысль Гегеля, что всякий исторический народ есть представитель мировой идеи и в свою эпоху должен развить ее для блага отечества, а исполнив это сойти с позорища мира, если, повторю, эта мысль не пустая фикция, то и русский народ призван быть когда-нибудь в этом смысле народом историческим и призван из своих родных стихий развить новую мировую идею. Хотя в нашей России и много привилось инородного, иноплеменного, однако основные ее черты чисто славянские. Не напрасно же Господу Богу угодно было дозволить чрезвычайное распространение нашего отечества в таких огромных размерах и с такою быстротою. Россия, раздвинувшись и в Европу и в Азию, не принадлежит, однако, ни той ни другой части света: от Европы она заимствовала стремление к прогрессу, к совершенствованию, но в ней есть много дикости Азии и ее неподвижности. Будучи по могуществу своему поставлена во главе славянских разьединенных племен, Россия рано или поздно, а необходимо должна увлечь их в свою политическую сферу, в силу общего естественного закона, по которому малые толщи всегда тяготеют к самой большой массе, с ними однородной, и притягиваются ею. Может быть так называемый панславизм, о котором с таким пренебрежением отзываются немцы и французы, не есть порождение фантазии и не пустая мечта, как многие из них утверждают»³.

Таким образом, Фонвизин, как показывает анализ его политической философии, не только проводил идеалы крестьянского, общинного социализма, но и связывал с социализмом свои мечты о самобытности России, ее высоком предназначении в будущих судьбах человечества.

¹ Там же. Л. 13 об. – 14.

² Там же. Л. 14 об. – 15.

³ Там же. Л. 15 об. – 16.

3. Теория «русского социализма» становится основой идеологии разночинства, возникшего в 40–50-е годы XIX в. Это было движение молодежи из разных «чинов» и сословий, охваченной благородным порывом борьбы за счастье «людей трудящихся». Они смело призывали народ на «святое дело», разумея под этим крестьянское восстание, революцию. В этом заключалось их главное отличие от декабристов, придерживавшихся тактики военных переворотов.

а) Особое место в этом процессе занимает *Александр Иванович Герцен* (1812–1870), пламенный апологет идеи «пересоздания общества» на социалистических началах.

Он был внебрачным сыном московского барина И. А. Яковлева и уроженки города Штудгардта Луизы Гааг (фамилия Герцен, данная отцом, происходит, по-видимому, от немецкого слова Herz – сердце). Учился на физико-математическом отделении Московского университета (1829–1833). Тогда же организовал «общество по образу и подобию декабристов», с целью изучения сен-симонизма. Вскоре по окончании университета подвергся аресту и после девятимесячного тюремного заключения более четырех лет отбывал ссылку сперва в Вятке, а затем во Владимире. В 1847 г. добивается разрешения на выезд за границу, и с этого времени попеременно живет во Франции, Швейцарии, Италии, Англии. В эмиграции им были написаны сотни политических статей, в том числе блестящие мемуары «Былое и думы». Огромной популярностью пользовались и издаваемые им совместно со своим другом Н. П. Огаревым альманах «Полярная звезда» и газета «Колокол. Многотомные собрания сочинений Герцена издавались многократно как до революции, так и в советское время.

Герцен переживал свое время как грань и рубеж двух всемирно-исторических циклов; отсюда, с одной стороны, резкое отрицание существующего, с другой – пылкое чаяние, обращенное вперед¹. Это обусловило его преимущественный интерес к философии истории. Герцен, разумеется, прекрасно понимал, что основу человеческой истории составляет природа; «следственно, чтоб понять человека, надлежит понять природу». В молодости он даже набросал нечто вроде «плана философии естествоведения», в котором указывалось, что «все внимание должно обратить на геологические, физиологические и психологические исследования», однако обстоя-

¹ См.: *Флоровский Г.В.* Искания молодого Герцена // *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. – М., 1998. С. 410.

тельства жизни не позволили ему заняться реализацией этого замысла. На первый план выдвигаются проблемы социально-политического порядка, и им он отдается со всей страстностью своей деятельной натуры.

В историческом развитии человечества Герцен выделяет три «социальных формации». Первая принадлежала народам и племенам, группировавшимся вокруг империй и царств Древнего Востока. Их общественный быт характеризовался господством патриархально-семейных отношений, в которых чувственность доминировала над сознанием. Они внесли в историю идею «мира производящего», возвысив значение богатства и роскоши. Это стало для них «жемчужными цепями», и они «осели», т. е. остановились в своем развитии. Социальную инициативу у Востока «перехватывают» рабовладельческие общества Греции и Рима. Особенность этой новой формации заключалась в республиканском устройстве, гражданском значении человека, культе образования и искусства. Однако здесь гражданственность поддерживалась трудом рабов и поэтому сильно зависела от состояния государства. Это стало источником противоречий между личностью и государством, которые пытались решить не укреплением единства данных противоположностей, а «репульсией» от гражданственности, приведшей в конечном счете республику к империи. В результате римский мир, «переживши себя», начинает «медленно и тяжело» гибнуть. Несколько замедлился этот процесс благодаря принятию христианства. Но исход дела окончательно решил «случайный элемент», каковым явилось нашествие первобытных племен. И вот, из «обломков» римского, христианского и варварского миров, образовались европейские народы, составившие третью социальную формацию. Народы Западной Европы раскрывали свой потенциал на основе германского обычая свободы лица и римского права частной собственности, прошли через феодализм и достигли в буржуазном устройстве «пределов изменяемости». Признаком этой необратимой стагнации европейской жизни Герцен признает возвышение мещанства, т. е. торговкопуческого сознания.

В «Былых и думах» он пишет: «Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его. В идеал, составленный нами, входят элементы верные, но или не существующие более, или совершенно изменившиеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, строгая чинность протестантов, гордая независимость англичан, роскошная жизнь итальянских художников,

искрящийся ум энциклопедистов и мрачная энергия террористов – все это переплавилось и переродилось в целую совокупность других господствующих нравов, *мещанских*. Они составляют целое, т. е. замкнутое, оконченное в себе воззрение на жизнь, с своими преданиями и правилами, с своим добром и злом, с своими приемами и с своей нравственностью низшего порядка»¹.

«Под влиянием мещанства все переменялось в Европе... Прежние, устарелые, но последовательные понятия об отношениях между людьми были потрясены, но нового сознания *настоящих* отношений между людьми не было раскрыто. Хаотический простор этот особенно способствовал развитию всех мелких и дурных сторон мещанства под всемогущим влиянием ничем не обуздываемого стяжания»².

Отсюда естественно следовало признание, что мещанство – это смерть общества, начало его гниения и разложения: «мир, в котором мы живем, умирает... никакие лекарства не действуют более на обветшалое тело его». Далее Герцен пишет, что наследникам этого мира, «чтоб легко вздохнуть... надобно его похоронить, а люди хотят непременно его вылечить и задерживают смерть»³. Именно так смотрит на дело социализм, возвестивший о необходимости «пересоздания» западного мира.

«Исторические формы западной жизни... не соответствуют больше современной нужде, современному пониманью. Это пониманье развилось на Западе; но с той минуты, как оно было сознано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носит в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делает все, чтоб произвести абортив. Кто из них останется жив – мать ли, ребенок ли, или как они примирятся – этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд – в этом нет сомнений»⁴.

Сознание этой неопределенности ситуации, а также чисто «косметическое» значение совершившихся на Западе революций, заставляет Герцена достаточно пессимистически оценивать перспективы социалистического «пересоздания» Европы. Ничто не свидетельствует в ней о прогрессе, движении вперед; она, горько иронизирует он, «в неудобствах наследственных форм уважает свои воспоминания, волю своих отцов»⁵. Вот почему революция 1789 г.

¹ Герцен А.И. Былое и думы // Соч. В 9 т. Т. 5. – М., 1956. С. 381.

² Там же. С. 382.

³ Герцен А.И. С того берега // Там же. Т. 3. – М., 1956. С. 249.

⁴ Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Там же. Т. 7. – М., 1958. С. 293.

⁵ Герцен А.И. Mortuos plango // Там же. С. 404.

успокоилась в болоте умеренного экономического и политического либерализма, а христианство еще задолго до того бросило якорь в покойной гавани реформации. Все обмелело, все закруглилось, все вылилось в узкие формы. И нет никакого просвета в будущее. Напрасна надежда и на западноевропейский пролетариат: он борется не с мещанством, а с буржуазией; его идеалы лежат там же, где и идеалы мещанства. «С одной стороны мещане-собственники, с другой – неимущие *мещане*, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы»¹, – таковы два главных стана, определяющих общее содержание и направленность политической жизни Европы. Или, как более афористично выразился Герцен, «все реки истории (по крайней мере, все западные) текут в мареммы мещанства»².

Невозможность социализма на Западе, казалось, делала маловероятным и его установление в России. Герцен начинает сомневаться, действительно ли «*Россия и Социализм* являются в одном вопросе»³. Ведь если согласиться с этим, то придется признать, что и ей необходимо «пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же вывода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа»⁴. Конечно, ничего подобного желать России Герцен не мог, и это приводило его временами к «онемению» мысли. И каков же был его восторг, когда вдруг обнаружилось, что реальная «ячейка» социализма в целостности и невредимости сохраняется в самой России. Ею оказалась крестьянская поземельная община, выявленная и описанная бароном А. Гаксгаузенем.

По мнению немецкого исследователя, русский народный быт, основанный на общинных началах, представляет собой «хорошо организованную республику, которая покупает свою независимость определенной платой господину», т. е. властям предержавным; он обеспечивает «общественную силу и порядок, как нигде в других странах», исключая возможность революции; «доставляет России ту неизмеримую выгоду, что в этой стране нет до сих пор пролетариата и он не может образоваться, пока существует такое обществен-

¹ Герцен А.И. Былое и думы // Там же. Т. 5. С. 383.

² Цит. по: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. В 2 т. Т. 1. 3-е изд. – СПб., 1911. С. 383.

³ Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские. – С. 284.

⁴ Там же. – С. 293.

ное устройство»¹. Герцен поначалу отнесся довольно критически к воззрениям «первого пионера, пошедшего на открытие России», полагая, что «в общине слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию, в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение»². Но более внимательное изучение вопроса приводит его к существенной корректировке своих прежних взглядов на крестьянскую общину. Теперь он убежден, что хотя она *реально* соответствует более низкой стадии социальной жизни западных народов, тем не менее *в потенциале* обладает более высоким типом развития, поскольку все ее «элементы» совпадают с идеалами новейшего социализма.

«Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, – элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из: 1) *права каждого на землю*, 2) *общинного владения ею*, 3) *мирского управления*. На этих началах, и *только на них*, может развиваться будущая Русь»³.

Герцен признавал, что архаический быт крестьянской общины сам по себе не может служить основой для выработки передовой теории эпохи, но он, на его взгляд, может, содержа в себе «предсуществующее новое», дать верное направление развитию социальной мысли.

«Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада»⁴.

Таким образом, в русской общине одновременно выразились две тенденции: западное стремление к социалистическому «пересозданию» европейского общества и возможность социалистического переустройства самой России. А потому вовсе не обязательно, чтобы Россия непременно «претерпела все фазисы европейского

¹ Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений в народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. – М., 1870. С. 70, 80, 19.

² Герцен А.И. Россия // Собр. соч. В 30 т. Т. 6. – М., 1955. С. 204.

³ Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские. – С. 300.

⁴ Там же. С. 300.

развития»¹. Возникновение «свободно-общинного быта» и явится торжеством «русского социализма».

«Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»².

Из приведенного определения видно, что Герцен берет социализм исключительно в социально-организационном срезе, не пытаясь дать ему какое-либо приемлемое философское обоснование. Для него «русский социализм», как и «социализм вообще», суть только моральная альтернатива, т. е. утверждение справедливости и человеколюбия, погрязших веками насилия и рабства. Герцен даже склонялся к тому, чтобы сблизить идеалы социализма и христианства, которое он, с одной стороны, отделял от церковного православия, а с другой – признавал социальной религией народа. Подобное «уклонение в мистику», разумеется, не могло встретить сочувствия в радикально-разночинной среде, но оно нашло отклик и поддержку в позднейшем движении русского христианского социализма.

б) Другим авторитетнейшим идеологом революционного разночинства был *Николай Гаврилович Чернышевский* (1828–1889).

Он родился в Саратове, в семье священника. Учился в местной духовной семинарии, затем окончил Петербургский университет. С 1853 г. сотрудничает в двух наиболее известных журналах того времени – «Современнике» и «Отечественных записках». В своих многочисленных статьях отстаивал идеалы социализма и демократии, не останавливаясь даже перед призывом к «топору». В 1862 г. его арестовывают и около двух лет содержат в Петропавловской крепости. Здесь он пишет свой знаменитый роман «Что делать». Приговаривается судом к каторге и последующей ссылке в Сибирь. Предпринималось несколько неудачных попыток его освобождения со стороны сочувствовавших ему революционеров, что лишь усугубляло и без того тяжелое его положение. Только в 1883 г. получает разрешение на переезд в Астрахань, а за полгода до смерти – в родной Саратов. Полное, 16-томное, собрание сочинений Чернышевского вышло в 1939–1953 гг.

¹ Герцен А.И. Россия . – С. 205.

² Герцен А.И. Порядок торжествует! // Там же. Т. 8. – С. 302.

Признавая общину экономическим базисом социализма, Чернышевский пытался дать философское обоснование данному тезису, основываясь на гегелевском принципе диалектической триады (закон отрицания отрицания), хотя и не причисляя себя к последователям немецкого философа.

«Мы не последователи Гегеля, а тем менее последователи Шеллинга; но не можем не признать, что обе эти системы оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития. Основной результат этих открытий выражается следующей аксиомой: “По форме, высшая степень развития сходна с началом, от которого оно отправляется”. Эта мысль заключает в себе коренную сущность шеллинговой системы; еще точнее и подробнее раскрыта она Гегелем, у которого вся система состоит в проведении этого основного принципа чрез все явления мировой жизни от ее самых общих состояний до мельчайших подробностей каждой отдельной сферы бытия»¹.

Чернышевский целиком соглашается с гегелевским тезисом о сходстве начальной и высшей стадии развития, полагая также, что последняя стадия «безмерно богаче и выше, нежели в начале»². Это положение он иллюстрирует множеством самых разных примеров, везде обнаруживая подтверждение идеи трехфазности диалектического процесса.

Так, он берет судебную практику; картина получается следующая: в первобытном обществе суд и расправа осуществляются всеми самостоятельными его членами на общем собрании или мирской сходке; на втором этапе судебная власть мало-помалу отделяется от граждан и становится монополией отдельного сословия; но вот наступает период, когда вместо судей произнесение приговора вручается присяжным, т. е. простым членам общества. Таким образом, снова возвращается прежняя форма суда, но уже на более совершенном уровне. В итоге оказывается налицо диалектическая триада: «1. Судит общество; 2. судят юристы, назначаемые правительственной властью; 3. судят присяжные, т. е. чисто представители общества»³.

Совершенно однородная картина наблюдается в военной практике: первоначально дело защиты своей территории принадлежит всем членам общества; затем формируется специальное военное

¹ Чернышевский Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Избр. филос. соч. В 3 т. Т. 2. – М., 1950. С. 457.

² Там же. С. 463.

³ Там же. С. 468.

сословие на основе установления долгих сроков службы или вербовки по найму; наконец, все возвращается к прежней форме: каждый гражданин обязывается определенным сроком отслужить в армии (Чернышевский ссылается на опыт Северной Америки и Швейцарии), «и солдатство не есть уже особенное сословие, а только известный период жизни человека во всяком сословии»¹.

Закон трехфазисного развития распространяется и на общину. Иронизируя над «последователями Шеллинга и Гегеля», Чернышевский упрекает их в том, что они, «налегая на первобытность этой (общинной. – *Авт.*) формы отношений человека к земле», в то же время просмотрели «в общинном владении черту, сильнейшим образом предрасполагающую к возвышению общинного владения над частною поземельною собственностью»².

«Действительно, норма, изложенная нами и несомненная для каждого, хотя несколько знакомого с современным положением понятий об общих законах мира, неизбежно ведет к такому построению поземельных отношений:

Первобытное состояние (начало развития). Общинное владение землею. Оно существует потому, что человеческий труд не имеет прочных и дорогих связей с известным участком земли... Земледелие сначала также не соединено с затратою почти никаких капиталов собственно на землю.

Вторичное состояние (усиление развития). Земледелие требует затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множеством разных способов и работ, из которых самую общую и повсеместную необходимостью представляется удобрение. Человек, затративший капитал на землю, должен неотъемлемо владеть ею; следствие того – поступление земли в частную собственность...

Вот две степени... где же третья? Неужели ход развития исчерпывается ими?

Промышленно-торговая деятельность усиливается и производит громадное развитие спекуляции; спекуляция, охватив все другие отрасли народного хозяйства, обращается на основную и самую обширную ветвь его – на земледелие. Оттого поземельная личная собственность теряет свой прежний характер... является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения. Таким

¹ Там же. С. 469.

² Там же. С. 474.

образом, личная поземельная собственность перестает быть способом к вознаграждению за затрату капитала на улучшение земли... Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время. Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом. Таким образом, общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия: оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы. А без этого соединения невозможно вполне успешное производство»¹.

Чернышевский не говорит, что с восстановлением «первобытного состояния» утвердился социализм, но это и без того ясно из общего контекста его рассуждений. Во всяком случае, полагает он, таково будущее всех цивилизованных народов, достигших «высокой степени развития»². Ну, а как же быть с народами «отставшими»? По мнению Чернышевского, они могут стать на путь «ускорения» своего общественного развития через «сближение» с передовыми народами. Благодаря их влиянию отсталые народы могут прямо с низшей степени «перескочить» на высшую, «минуя средние степени», т. е. буржуазные, частнособственнические отношения.

«При таком ускоренном ходе развития средние степени, пропускаемые жизнью народа, бывшего отсталым, и пользующегося опытностью и наукою передового народа, достигают только теоретического бытия, как логические моменты, не осуществляясь фактами действительности»³.

Сформулированное Чернышевским фундаментальное положение (в виде общей догадки высказывавшееся еще Герценом) о возможности минования капиталистической стадии для стран с общинно-аграрным строем было поддержано классиками марксизма, внимательно изучавшими экономические произведения русского мыслителя. К. Маркс соглашался с Чернышевским, что русская поземельная община действительно могла бы стать «исходным пунктом коммунистического развития», если бы в Западной Европе победила пролетарская революция, которая предоставила бы русскому

¹ Там же. С. 475–476.

² Там же. С. 488.

³ Там же. С. 489.

крестьянству соответствующие «материальные средства», необходимые для того, чтобы «обеспечить ей (общине. – *Авт.*) «нормальные условия свободного развития»¹. Даже много позже, когда Маркса уже не было в живых, его сподвижник Ф. Энгельс также констатировал, что своевременное свержение капиталистического режима на Западе позволило бы России «остановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму»². Мнение классиков марксизма способствовало укреплению революционного авторитета Чернышевского, остававшегося идейным кумиром народного движения 70–80-х гг. XIX в.

4. Народничество было развитием идейных традиций разночинства применительно к социальным условиям пореформенной России. В нем определяющую роль начинают играть два основных течения – радикальный анархизм Бакунина и государственный коммунизм Ткачева, которые демонстрируют значительное ослабление веры в «мужика-социалиста» и возвышение роли личности в организации народной революции.

а) *Михаил Александрович Бакунин* (1814–1876) принадлежит к тем немногим мыслителям, которых, по выражению современного исследователя, «вспоминают всякий раз, когда в обществе усиливается деспотизм – буржуазный или пролетарский»³.

В семье, где он родился, было десятеро детей: шесть братьев и четыре сестры; каждый из них в той или иной мере оставил свой след в русской культуре. Учился в Петербургском артиллерийском училище, затем служил в армии. Выйдя в 1834 г. в отставку, некоторое время жил в Москве; затем уехал в Германию, слушал философские лекции в Берлинском университете. Тогда же завел тесные сношения с рядом западноевропейских революционных деятелей, в том числе с К. Марксом. Принимал активнейшее участие в революции 1848–1849 гг., за что дважды приговаривался (саксонским и австрийским судом) к смертной казни. В 1851 г. был выдан российскому правительству и после длительного заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях сослан в Сибирь, откуда в 1861 г. бежал в Европу и вновь включился в революционное движение, выступив с позиций анархизма против марксистского I Интернационала. Был среди руко-

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Письмо В. И. Засулич // Соч. 2-е изд. Т. 19. – М., 1961. С. 251.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Николаю Францевичу Даниельсону // Там же. Т. 39. – М., 1966. С. 34.

³ *Brupbacher F.* Introduction. «Bakounine. Confession». 1974. P. 45.

водителей восстания лионских рабочих 1870 г. В последние годы жизни им были написаны его главные труды: «Кнута-германская империя и социальная революция» (1871) и «Государственность и анархия» (1873). Умер и похоронен в Берне.

Будучи участником многих западноевропейских революций, Бакунин довольно скоро убедился, что они не только совершенно далеки от планов реализации идеалов социализма и анархии, но и демонстрируют «буржуазность и беспомощность пролетариата».

«Вот с каких пор, – писал он одному своему иностранному корреспонденту, – я наблюдаю и вдумываюсь в народ, после Парижа, Лиона, после французской войны и Коммуны, везде вижу одно – лишь полное отсутствие человечности, одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений»¹.

Глубокое разочарование в западноевропейском пролетариате заставило Бакунина пристальней взглянуть в общинный быт русского крестьянства, который представлялся ему по меньшей мере стихийно-социалистическим. Однако он понимал, что крестьянская реформа 1861 г. должна была внести в него новые тенденции, так или иначе изменявшие его первоначальную сущность. И действительно, замечает Бакунин, хотя в крестьянском быте удерживаются все его основные юридически-экономические начала, а именно: 1) принадлежность земли народу; 2) право пользования ею не лица, а мира; 3) общинное самоуправление, – тем не менее в нем усилилось и немало «затемняющих черт», таких как патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя. Они-то, на его взгляд, и являются главным препятствием на пути революционной агитации народа.

Особо останавливается Бакунин и на такой черте общинной патриархальности, как религия.

«Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально-православную или сектаторскую; но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но и протестантских странах. Социальные революционеры, разумеется, не пренебрегают им и пользуются всяким случаем, чтобы в присутствии народа сказать убийственную правду господу Саваофу и богословским, метафизическим, политическим, юридическим, по-

¹ Бакунин М.А. Письмо к З. Л. Ралли от 15 июля 1875 г. // Пирумова Н.М. Предисловие к публикации статьи М. А. Бакунина «Коррупция» / Вопр. филос. № 12. – М., 1990. С. 55.

лицейским и буржуазно-экономическим представителям его на земле. Но они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому – явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде – один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого»¹.

Бакунин прекрасно сознает, сколь опасным может быть влияние религии на сознание народа, но степень этого влияния он обусловливает прежде всего господством общинной патриархальности, видя в ней средоточие всего «исторического народного зла», подлежащего уничтожению в революции. Признаки же этой патриархальности суть следующие: «тупоумная неподвижность», «коренная ложь», «алчное лицемерие»; и над всем этим возвышается «холопское рабство» перед начальством, которое является русскому мужику «в трех главных и священных лицах: как отец, как мир и как царь»². Народ терпит и признает их власть законной, но в то же время он «глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним не являлись»³. Эта ненависть его до недавнего времени была «разделена между дворянами и чиновниками», но с упразднением крепостного права, когда разоряться стало и само дворянство, «народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию»⁴. Казалось бы, вот повод рассчитывать на всеобщий бунт, выступление народа. Однако этому мешает разрозненность общин, отсутствие между ними какой бы то ни было «органической связи». Они соединяются между собой «только посредством царя-батюшки, только в его вер-

¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. – М., 1989. С. 512.

² Там же. С. 516.

³ Там же. С. 518.

⁴ Там же.

ховной, отеческой власти»¹. Народу невдомек, что «царь не может обойтись без чиновников» и помещает его «высоко, чуть ли не в небесную даль», не видя того, что «царь настоящий, царь-кнут, царь-вор, царь-губитель, государство, занимает его место»².

«Из этого вытекает, естественно, тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве»³.

Таким образом, четко вырисовывается программа революционного анархизма: «установление всеми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разрозненными общинами»⁴. Для этого необходимо «идти в народ», понимая, что «вне народа, вне многомиллионных чернорабочих масс нет более ни жизни, ни дела, ни будущности»⁵. Такую задачу ставит Бакунин перед социальными революционерами, которые должны рекрутироваться из среды «умственного пролетариата», т. е. образованных представителей общества и учащейся молодежи.

«Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных всплеск недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху»⁶.

Призывая революционеров «возбудить» русский народ к революции, Бакунин вместе с тем предупреждает, что сделать это «искусственно» невозможно: революции совершаются не по желанию отдельных личностей или тайных обществ, а «самою силою вещей», в периоды, когда народы сами бывают готовы к выступлению. По его глубокому убеждению, Россия как раз и находится «в периоде повсеместной неминуемой народной революции», и теперь не время

¹ Там же. С. 517.

² Там же.

³ Там же. С. 518.

⁴ Там же. С. 517.

⁵ Там же. С. 518–519.

⁶ Там же. С. 520.

«спать», но надо всем быть «начеку», чтобы «во всякую минуту... воспользоваться каждым удобным случаем»¹. Поймать нужный момент и возжечь пламя народного гнева – это и составляет главную задачу тайной организации революционеров.

Но какой должна быть эта организация? Какими чертами должен обладать социальный революционер?

Ответ на эти вопросы содержится в письме Бакунина к С. Г. Нечаеву, где он излагает свой план создания тайного общества. От желающего стать революционером, согласно его представлениям, требуется прежде всего, чтобы он был образцом нравственной добродетели, основанной на «всепоглощающей страсти всенародного общечеловеческого освобождения»². Эта страсть должна стать его новой религией, новым вероисповедным убеждением. Из таких личностей создается тайная организация, ставящая своей целью и задачей содействие народу в его самоопределении, на основе полнейшего равенства и свободы, без малейшей попытки придать себе функции какой бы то ни было власти, временной или переходной, тем более государственной. Они разобьются на мелкие группы, «никем не знаемые как такие», кроме них самих, и эти группы, «не ища ничего для себя, ни льгот, ни чести, ни власти», будут невидимо руководить народным движением, представляя собой «коллективную диктатуру тайной организации»³. Подготавливаемая ими народная революция не будет иметь ничего общего с «регламентированным движением по западному образцу», которое всегда, «останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другой и стремилось создать так называемое государство»⁴. Русская народная революция, напротив, пойдет совсем другим путем: она «уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы России»⁵. Возникнет новый строй свободной анархии. Тем самым, полагал Бакунин, естественным образом отпадет и необхо-

¹ Бакунин М.А. Письмо к С. Г. Нечаеву от 2 июля 1870 г. // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. – С. 539.

² Там же. С. 546.

³ Там же. С. 549.

⁴ Бакунин М.А. Катехизис революционера // Дюкло Жак. Бакунин и Маркс. Тень и свет. – М., 1975. С. 218. – Это сочинение нередко приписывают С. Г. Нечаеву, но в действительности оно написано Бакуниным.

⁵ Там же.

димось в тайной организации, и она, никем не знаемая прежде, вновь неведомо растворится в общем товариществе равноправных граждан.

Конечно, в анархизме Бакунина было слишком много политизированной романтики, много наивного «тайнодействия», связанного с уничтожением государственности. Но это отнюдь не является чисто утопической чертой, свидетельствующей об отсутствии у него чувства реальности и меры. Он страстно стремился ускорить воплощение своей идеи, потому что не хотел больше обременять человечество новыми формами «правительственного насилия». Это была смелая мечта, и она всегда вдохновляла и продолжает вдохновлять людей страждущих и угнетенных в современном мире.

б) Критиком бакунизма, и притом не особенно учтивым, был *Петр Никитич Ткачев* (1844–1885), ярый сторонник преобразования крестьянской общины в государственную общину-коммуну.

Родился он в дворянской семье в д. Сивцово Великолуцкого уезда Псковской губернии. В 1868 г. экстерном окончил юридический факультет Петербургского университета. Свободно владел всеми основными европейскими языками. С юности отличался радикалистскими наклонностями. За написание воззвания «К обществу!» был осужден и четыре года провел в Кронштадтской крепости. С декабря 1873 г. находится в эмиграции, издает революционный журнал «Набат». Нищета, напряжение жизни способствовали развитию паралича мозга; болезнь продолжалась три года. Похоронен в Париже.

Возражения Ткачева против бакунизма касались главным образом двух моментов: во-первых, утверждения, что в самом историческом быте русского народа, его инстинктах заключаются все элементы будущей социалистической организации; во-вторых, тезиса относительно того, что революция должна быть осуществлена самим народом, хотя и при помощи революционного меньшинства.

Опровергая эти положения, Ткачев рассуждал так. Народный быт основан на общинных началах. Но крестьянская община расколота на противоположные тенденции: с одной стороны, совместное владение землей и враждебность государству, а с другой – патриархальность и вера в царя. Следовательно, «положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны; они не могут быть идеалами революции»¹. Вот почему община «почти ни на волос не изменилась в течение нескольких веков» и, предоставленная самой

¹ Ткачев П.Н. Народ и революция // Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1976. С. 165.

себе, она «может просуществовать *in status quo* еще тысячи, миллионы лет»¹. Остается признать, что сдвинуть ее с этого «устойчивого равновесия», внести в нее элементы «социалистического мировоззрения» возможно лишь при условии, если за это дело примется революционное меньшинство.

«Идеал этого меньшинства как более широкий и более революционный, чем народный идеал, и должен во время революции господствовать над последним. Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; потому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству»².

Но возникает другой вопрос: надо ли, чтобы это революционное меньшинство обладало какой-либо реальной властью? Или же оно так и сохранит свое политическое инкогнито, лишь «незримо» подталкивая народ к революции? Если согласиться с мнением анархистов, то чем же может обуславливаться влияние, авторитет этого революционного меньшинства? Разумеется, заявляет Ткачев, только силой, и ничем больше другим.

«Отсюда само собою следует, что если меньшинство для осуществления идеалов социальной революции должно обладать силой, то это значит, что оно должно иметь в своих руках *власть*. Очевидно также, что, чем могущественнее будет эта сила, т. е. власть, тем скорее и легче ему удастся провести в жизнь те идеалы, во имя которых оно борется»³.

Из признания коренной соотнесенности силы и власти Ткачев выводит еще одно важное политическое заключение: всякая организованная власть (а именно такова власть революционного меньшинства) необходимо является государством, которое как раз и представляет собой наиболее совершенную форму проявления власти. Соответственно, отношение революционного меньшинства к народу, к его участию в революции должно определяться сознанием того, что оно само фактически обладает всеми прерогативами государственной власти. Поэтому революционное меньшинство получает право распоряжаться народом по своему усмотрению. С его помощью оно прежде всего уничтожит существующее «консерватив-

¹ Там же. С. 164–165.

² Там же. С. 166.

³ Ткачев П.Н. Революция и государство // Там же. С. 148–149.

ное государство» и создаст вместо него собственное «революционное государство». Но это еще не революция, а только ее прелюдия, замечает Ткачев. Настоящая революция начнется тогда, когда революционное государство примется за уничтожение как «консервативных и реакционных элементов общества», так и всех тех учреждений, которые «препятствуют установлению равенства и братства»¹. Это будет первый, «революционно-разрушительный», этап революции; сущность его составит *насилие*. Вслед за этим последует второй этап – «революционно-устроительный», направленный уже непосредственно на огосударствление крестьянской общины, превращение ее в общину-коммуну. Теперь во главу угла станет *убеждение*. Широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит, наконец, «социальную революцию», проведя необходимые реформы во всех областях народной жизни.

«Общий характер» этих реформ «должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, *частного* владения, в общину-коммуну, основывающуюся на принципе *общего*, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип, – принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу, – принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин; 6) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти»².

Во всех этих положениях прослеживается влияние марксизма, чего не скрывал и сам Ткачев, неоднократно выражавший согласие «с основными социалистическими принципами европейской рабочей партии», с программой и уставом I Интернационала. Но и сам Ткачев сыграл немаловажную роль в формировании идеологии рус-

¹ Ткачев П.Н. «Набат» (Программа журнала) // Там же. С. 96.

² Там же. С. 97.

ского марксизма, в особенности его ленинской, большевистской фракции.

5. Моральный предел существованию народничества был положен трагическим событием, которое произошло 1 марта 1881 г. в Петербурге: террористическая организация «Народная воля» после нескольких неудачных попыток казнила, наконец, Александра II. Вопреки ожиданиям, народ не воспрянул на борьбу с «угнетателями» и продолжал мирно оставаться в своих «патриархальных» общинах. Стало ясно, что «время не пришло» и что община не поможет русским революционерам вывести страну на путь социалистического развития. Народничество начинает постепенно распадаться: одни его деятели уходят «вправо», смыкаясь с консерваторами, другие – «влево», беря курс на сближение с марксизмом.

а) Среди тех, кто стоял у истоков русского марксизма, перво-степенной фигурой является *Георгий Валентинович Плеханов* (1856–1918), крупный теоретик-мыслитель, прошедший школу народнического бакунизма.

Местом рождения его было с. Гудаловка Тамбовской губернии. По окончании Воронежской гимназии и юнкерского училища в Петербурге блестяще сдает экзамены в Горный институт. Однако студенчество его продлилось недолго: в 1875 г. он вступает в народническую организацию «Земля и воля» и переходит на нелегальное положение. На воронежском съезде 1879 г. землевольцы раскололись на две группировки: «Черный передел» и «Народная воля». Принятая последней тактика террора оказалась чужда Плеханову, и он, опасаясь преследований со стороны властей, вместе с другими чернопеределцами эмигрировал за границу, где оставался в течение 37 лет. Там он вскоре окончательно перешел на позиции марксизма, причем, по его позднему признанию, к этому подвело его влияние сочинений Бакунина, из которых он «вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории»¹. Перевел «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Создал первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение труда». Среди его учеников был молодой Ленин. В 1914–1917 гг. издал три тома из предполагавшихся семи томов «Истории русской общественной мысли». В марте 1917 г. вернулся в Россию. «Большевистский переворот» не принял, считая его опасным и преждевременным. Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище рядом с могилой Белинского, племянником которого он доводился.

¹ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. – М., 1997. С. 44–45.

Уже работая над переводом «Манифеста коммунистической партии», Плеханов начинает обдумывать способы адаптации марксизма к российским условиям. Разочарование в общине бывшего народника было полным: «наша община переживает тяжелый кризис... самый этот кризис близится к концу и первобытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному владению»¹. Теперь его мысль работает в направлении идей марксизма: социалистическая революция в России произойдет не раньше, чем возникнет российский пролетариат. Процесс этот, на его взгляд, продлится не особенно долго, поскольку русская буржуазия, запоздав в своем социально-политическом развитии, будет ускоренно добиваться пролетаризации крестьянства и городского мещанства, превращения наемных рабочих в самый многочисленный слой общества, охваченный прогрессирующим обнищанием. Но чтобы эта пролетарская масса действительно превратилась в революционную силу, необходимо развить в ней классовое сознание, стремление к достижению диктатуры, т. е. власти. А это, считает Плеханов, возможно только тогда, когда рабочие пройдут школу крупного машинного производства, приобретут соответствующий опыт политической борьбы и управления общественными делами.

«Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не *ан-архии*, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но *пан-архии*, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества»².

Но пока этого еще нет, пока рабочий класс не созрел для решения своей «великой исторической задачи», ускорение процесса его развития должно быть обязанностью «сторонников пролетариата», т. е. революционной молодежи, устраняющей препятствия, мешающие «росту его силы и сознания». «Применяя эту точку зрения к русской действительности, — пишет Плеханов, — мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России»³. И никаким «декретами», никакими «экспериментами» изменить ситуацию нельзя: пролетариат сам должен заняться своими насущными проблемами.

¹ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избр. филос. произв. В 5 т. Т. 1. — М., 1956. С. 285.

² Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Там же. С. 101–102.

³ Там же. С. 102.

Таким образом, Плеханов по существу рассматривает пролетарское движение в России через призму бакунистской идеи «народной революции»: для него зарождающийся рабочий класс мало чем отличается от общинного крестьянства, и он переносит на него те же приемы воспитания и агитации, которые определяли его народническое мировоззрение. В собственном смысле марксистским было только его убеждение, что социалистическая революция должна совершиться не раньше, чем пролетариат составит большинство населения страны. Неудивительно, что «октябрьский переворот» 1917 г. оказался для него полной неожиданностью, и ему не оставалось ничего другого, как горестно выразить свое сочувствие «обманутому» российскому пролетариату.

«Нет, – писал он на третий день после проведенной большевиками революции, – наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей страны»¹.

Несомненно, что этот реалистический прогноз вытекал из усвоенных Плехановым бакунистских представлений о возможности и перспективах русской революции.

б) Окончательную «отделку» марксизма применительно к русским условиям произвел *Владимир Ильич Ленин* (1870–1924), выдающийся политический мыслитель, создатель Советского государства, чьим именем и названа его версия «экономического материализма» – ленинизм.

Термин «ленинизм» вошел в партийно-идеологический обиход еще в 1918 г. Первоначально им обозначалась совокупность произведений Ленина, предназначенных для обязательного изучения в системе «политпросвещения». После смерти «вождя пролетариата» предпринимаются попытки интерпретации ленинизма в более широком теоретическом контексте. Одни определяют его как «марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство» (Г. Е. Зиновьев), другие – как возрождение революционных элементов марксизма 40-х гг. XIX в. в отличие от марксизма последующих годов, который признавался более умеренным, нереволуционным (Н. И. Бухарин). В конечном счете победила формула И. В. Сталина: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее:

¹ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Г. В. Плеханов. – С. 351.

ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»¹. В этом определении полностью выпадала национальная специфика ленинизма, которая имеет первостепенное значение для понимания его исторической сущности.

Жена Ленина Н. К. Крупская, говоря об отечественных истоках ленинизма, замечает: «Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х годах. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов. Это сделал Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России». Он смог это сделать благодаря влиянию на него Чернышевского»². Эта очевидная истина как-то не особенно принимается во внимание исследователями, хотя известно, с каким неизменным интересом относился Ленин к творчеству «великого социалиста».

Прежде всего, он безоговорочно принимает тезис Чернышевского о том, что крестьянская реформа 1861 г. стала причиной резкого ухудшения положения народных масс, ускоренной пролетаризации деревни. Полностью соглашается Ленин и с другим важным теоретическим обобщением Чернышевского относительно невозможности воспринимать больше общину как возможный зародыш социалистического строя. Его политическое мировоззрение формируется с учетом глубокой убежденности Чернышевского в том, что в русской истории приближается один из тех благодетельных скачков, которые редко совершаются в истории, но зато далеко подвигают вперед процесс общественного развития. Однако этого было еще недостаточно, чтобы внести в классический марксизм хоть какой-то национальный момент; ведь из того, что учение Чернышевского «вплотную» подходит к теории научного социализма, вовсе не вытекает, что последний необходимо должен быть приведен в соответствие с воззрениями русского мыслителя.

Перелом во взглядах Ленина на марксизм и прежде всего на понимание им сущности социалистической революции произошел под влиянием «новых» народников, которые совершенно неожиданно выявили непредвиденные Марксом и Энгельсом существенные диспропорции в экономике западноевропейских стран, обусловленные неравномерностью развития мирового капитализма. При этом наиболее «слабым звеном» оказывалась именно Россия.

¹ Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М., 1945. С. 2.

² Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 5-е. – М., 1983. С. 91–92.

Так, например, В. П. Воронцов писал: «Россия значительно отстала от других главнейших стран в развитии своей капиталистической промышленности», хотя по численности своего населения она «превосходит все наиболее передовые государства», имея «вдвое больше жителей, чем Соединенные Штаты Северной Америки, в 2,5 раза больше, чем Германия, в три раза больше, чем Франция и Великобритания, в 4 раза больше, чем Италия»¹. Из этого народники делали вывод, что у России пока еще остается шанс «удержаться на краю пропасти» и выбрать «иные пути для отечества», способные сохранить традиционно-общинные отношения.

Напротив, Ленин воспользовался открытием народников для коренного переосмысления сущности социалистической революции. Сам же подход его к проблеме был чисто марксистским: если материализм обновляется с каждым крупным открытием в области естествознания, но и учение о революции не может оставаться неизменным под напором новых экономических фактов. По мнению Ленина, их анализ показывает, что прежний капитализм перешел в новую стадию развития – империализма, который им характеризуется как «переходный, или, вернее, умирающий капитализм»². А это может означать только то, что в нынешних условиях социалистическая революция будет не интернациональным выступлением рабочего класса всех одновременно крупных капиталистических держав, как думали Маркс и Энгельс, а событием скорее национального масштаба, т. е. начнется в одной или нескольких отдельно взятых странах, но непременно наиболее слабых по характеру экономического развития. Подобная «ревизия» классических положений «учителей пролетариата», на его взгляд, «не только не заключает в себе ничего “ревизионистского” в установившемся смысле слова, а напротив, необходимо требуется марксизмом»³.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистиче-

¹ В.В. (Воронцов В.П.). Очерки экономического строя России. – СПб., 1906. С. 111.

² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 27. – М., 1962. С. 424.

³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Там же. Т. 18. – М., 1968. С. 265–266.

ского мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»¹.

При этом Ленин не сомневался, что из всех «слабых» капиталистических государств именно самая «слабая» Россия окажется впереди «любой Англии и любой Германии»². В этих словах звучит чисто *народническое* противопоставление России и Запада, вера в особое призвание России. Бросающаяся в глаза тождественность *стиля мышления* народников и русских социал-демократов отнюдь не является только теоретическим предположением; сам Ленин специально подчеркивал, что «марксисты не только не “обрывают демократической нити” или течения... напротив, они хотят развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту “нить”, которую выпускает из рук “общество” и “интеллигенция”»³. Это сказано о «старом» народничестве, которому Ленин отдавал «абсолютное предпочтение» по сравнению с «новым», либеральным. Оттого он с легкостью воспринял ткачевскую идею об опережающем захвате политической власти, без предварительного решения социально-экономических вопросов. Это и продемонстрировал «октябрьский переворот» 1917 г. Но очень скоро Ленин был вынужден признать, что одного захвата власти еще недостаточно для перехода в социализм. И он снова повернул Россию в сторону «капитализма» – мелкого, товарного, который уже начал развиваться в дореволюционный период. Правда, он хотел, чтобы этот процесс, получивший название «новой экономической политики» (1921), протекал «под контролем и регулированием пролетарского государства»⁴, однако время показало не только несовместимость диктатуры пролетариата и капитализма, но и утопичность самого замысла осчастливить народ упованием на «светлое будущее».

Таким образом, в собственной форме ленинизм не привился к «русским фактам», и «немедленный коммунизм не удался»⁵. «В Ле-

¹ Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Там же. Т. 26. – М., 1980. С. 354–355.

² Ленин В.И. О продовольственном налоге // Там же. Т. 43. – М., 1963. С. 216.

³ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Там же. Т. 1. – М., 1958. С. 531.

⁴ Ленин В.И. Тезисы доклада о тактике РКП // Там же. Т. 44. – М., 1970. С. 8.

⁵ Устрялов Н.В. Patriotica // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. С. 261.

нине, – писал сменовеховец Ю. В. Ключников, – старая русская интеллигенция без остатка исчерпывает и изживает себя. После него она или вовсе перестанет существовать, или станет новой. Последнее – вернее. Ленин – это та цена, которую куплена новая Россия, а с нею и новая русская интеллигенция»¹.

Дальнейшее развитие советской системы проходило уже под лозунгами *сталинизированного* «марксизма-ленинизма», мало что оставившего и от марксизма, и от ленинизма.

¹ Ключников Ю.В. Смена вех // Там же. – С. 249.